

ВИТЕБСКЪ. *Сорокъ четвертый годъ* 20 Апрелья.

(Существуетъ съ 1874 г.)

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ еженедѣльно

1917 годъ

Цѣна: за годъ восемь руб. 50 коп., за полгода—4 руб., 50 к. съ пересылкою. Подписка принимается у оо. благочинныхъ епархіи и въ редакціи „Вѣдомостей, при Витебскомъ Епархіальномъ Свято-Владимірскомъ Братствѣ. Редакція проситъ оо. и гг. сотрудниковъ чтобы рукописи, присылаемыя въ Редакцію для напечатанія, были написаны разборчиво и четко на одной страницѣ. *Неразборчивыя рукописи не подвергаются разсмотрѣнію.* Рукописи безъ означенія условій считаются *безплатными.* Авторы, желающіе имѣть отдѣльныя отгиски

своихъ статей, заявляютъ о томъ на *самой рукописи*,—отгиски дѣлаются за особую плату по счету типографіи. Статьи, не принятыя Редакціей, по желанію высылаются авторамъ за ихъ счетъ—по присылкѣ нужнаго количества марокъ² обратно, востребованныя статьи по истеченіи года уничтожаются. Малкія замѣтки—не болѣе писаннаго листа возврату не подлежатъ. ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются для печатанія за 1 стран. 5 р., за 1/2 стр. 3 р., за 1/4 стр. 2 р., строчка—20 коп. При повтореніи объявленій дѣлается скидка по соглашенію.

№ 15.

С О Д Е Р Ж А Н І Е

- Официальный отдѣль: 1) Предложеніе Его Преосвященства.
2) Награжденіе. 3) Пожертвованія.

- Неофициальный отдѣль: 1) Заемъ Свободы 1917 года.
2) Небесная Вѣсть. 3) Еще о мотивахъ поэзіи Некрасова.

О ф ф и ц і а л ь н ы й О т д ѣ л ь .

Предложенія Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Киріона Епископа Полоцкаго и Витебскаго Полоцкой Духовной Консистоіи:

I. За время моего отсутствія Преосвященнѣйшему Пантелеимону, Епископу Двинскому, поручается: назначеніе и перемѣщеніе псаломщиковъ, кромѣ епархіальныхъ городовъ Витебска и Полоцка, брачныя дѣла, требующія архипастырскаго разрѣшенія; утвержденіе старость; тяжбыныя дѣла (по второму столу); замѣщеніе свободныхъ вакансій членовъ благочинческаго совѣта, пенсіонныя, епитимійныя, страховыя, единовѣрческія, ремонтныя, земельныя и лѣсныя.

Консистоіи же поручается: разрѣшеніе погребеній въ оградахъ церковныхъ съ платою; отпуски духовенству не болѣе одного мѣсяца; о пореходѣ въ православіе и обратно; дѣла метрическія и командированіе духовныхъ депутатовъ. О чемъ и дается Полоцкой Духовной Консистоіи для надлежащаго исполненія.

II. Подъ предсѣдательствомъ благочиннаго Витебскихъ градскихъ церквей протоіерея о. Алексія Донова назначается комиссія изъ слѣдующихъ лицъ: Уѣзднаго Наблюдателя церковныхъ школъ протоіерея о. Іоанна Овсянкина, Витебскаго Уѣзднаго члена Б. А. Бялыницкаго-Бируля, Преподавателя

Дуковной Семинаріи Н. Н. Богородскаго и старосты Витебскаго кафедральнаго себора Д. М. Крюковскаго, съ правомъ приглашать свѣдующихъ лицъ на свои засѣданія для кооптаціи—пополненія состава членовъ, для выработки вопросовъ для обсуждения на предстоящемъ экстренномъ Епархіальномъ Свѣздѣ духовенства и представителей церковныхъ старостъ и мірянъ. О чемъ и дается Полоцкой Духовной Консисторіи для немедленнаго исполненія.

Награжденіе.

Резолюціей Его Преосвященства отъ 1-го апрѣля с. г. награждается на бѣдренникомъ состоящій на вакансіи перваго псаломщика при Бескатовской церкви священникъ Петръ Бродовскій и состоящій на вакансіи псаломщика при Крестовской, Велижскаго уѣзда, церкви, священникъ Андрей Василенко.

Пожертвованія.

Согласно призыва Его Преосвященства, Преосвещеннѣйшаго Киріона, Епископа Полойскаго и Витебскаго, на обмундированіе воиновъ дѣйствующей арміи поступило: отъ прихожанъ Вировлянской церкви 75 рублей, отъ прихожанъ Глазочинской церкви 100 руб. и на подарки солдатамъ ко дню св. Пасхи 25 руб.; отъ прихожанъ Чашниковской церкви 58 руб. 85 к. и отъ священника той же церкви 10 руб. изъ личныхъ средствъ; отъ прихожанъ Двинскаго собора 150 руб. и отъ Креславльскаго церкви 75 руб.; отъ прихожанъ Горалевской церкви, Витебскаго уѣзда, 35 руб.; отъ прихожанъ Новохо-

ванской церкви, Невельскаго уѣзда, 50 руб.; отъ причта и прихожанъ Плесковской, Велижскаго уѣзда, церкви 60 рублей; отъ прихожанъ Козьянской церкви, Городокскаго уѣзда, 100 руб.; отъ прихожанъ Хвошнянской церкви, Городокскаго уѣзда 50 руб., отъ Руднянской церкви 40 руб., Езерищенской церкви 80 рублей; Мѣховской церкви 10 руб. и Холомерской церкви того же уѣзда 20 руб.

По старанію священника Веречской церкви Ильи Булыгчиса въ эту церковь поступили пожертвованія отъ проживающей въ г. Витебскѣ прихожанки крестьянки Веречской волости Гликеріи Антоновой Бударевичъ, а именно пасхальное парчевое облаченіе на св. престоль и жертвенникъ съ бархатными покрывалами (пеленами), украшенными канителью, одна пара воздуховъ изъ бархата, 3 большія ленты изъ бархата вышитыя канителью, для иконъ и два большихъ вѣнка для мѣстныхъ иконъ, всего на сумму сто семьдесятъ пять (175) рублей.

Послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства:

„Преподается жертвователниці Божіе благословеніе съ выдачею установленной грамоты“.

Находящійся на войнѣ священникъ Руднянской церкви Николай Борисовичъ пожертвовалъ въ указанную церковь 100 руб, на приобрѣтеніе свящ. облаченій. По сему послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства:

„За пожертвованіе выражается благодарность“.

Неофициальный отдѣлъ.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ 1917 ГОДА.

ВОЗЗВАНІЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Къ Вамъ, граждане великой свободной Россіи, къ тѣмъ изъ Васъ, кому дорого будущее нашей Родины, обращаемъ мы нашъ горячій призывъ.

Сильный врагъ глубоко вторгся въ наши предѣлы, грозитъ сломить насъ и вернуть страну къ старому, нынѣ мертвому, строю.

Только напряженіе всѣхъ нашихъ силъ можетъ дать намъ желанную побѣду. Нужна затрата многихъ милліардовъ, чтобы спасти страну и завершить строеніе свободной Россіи на началахъ равенства и правды.

Не жертвы требуетъ отъ насъ Родина, а исполненіе долга.

Одолжимъ деньги Государству, помѣстивъ ихъ въ новый заемъ, и спасемъ этимъ отъ гибели нашу свободу и достояніе.

Министръ-Предсѣдатель Князь Львовъ, Министръ Финансовъ М. Терещенко, Оберъ-Прокуроръ Св. Синода В. Львовъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ П. Милюковъ, Министръ Земледѣлія А. Шинтаревъ, Министръ Путей Сообщенія Н. Некрасовъ, Министръ Торговли и Промышленности А. Коноваловъ, Военный и Морской Министръ А. Гучковъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія А. Мануйловъ, Министръ Юстиціи А. Ке-

ренскій, Управляющій дѣлами Временнаго Правительства Вл. Набоковъ. 27-го марта 1917 года.

Постановленія Временнаго Правительства отъ 27-го марта 1917 г.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1000, 5000 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на бесплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется) безъ взиманія до 1 Юля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоговъ по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5³/₄% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 года, съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

НЕБЕСНАЯ ВѢСТЬ.

(Слово въ день Благовѣщенія Пресвятой Богородици, 25-го Марта 1917 г).

„Благовѣствуй земле радость велию; хвалите небеса Божию славу“. (Изъ службы праздника).

Св. Церковь призываетъ нынѣ всѣхъ насъ благовѣтствовать о великой радости, восхвалять Божию славу. Это-та радость, которая 19 слишкомъ вѣковъ тому назадъ впервые возвѣщена была архангеломъ Гавріиломъ, небеснымъ вѣстникомъ, Дѣвѣ Маріи въ Назаретѣ: „*Радуйся, благодатная, Господь съ Тобою; благословенна ты между женами... потому*

чию Ты обрѣла благодать у Бога; и вотъ зачнешь во чревь и родишь сына и наречешь Ему имя — *Иисусъ*; Онъ будетъ великъ и наречется сыномъ Всевышняго; и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, Отца Его; и будетъ царствовать надъ домомъ *Иакова* во вѣки, и Царству Его не будетъ конца". (Луки 1, 28—33) Это-та радость, которую св. Церковь съ особенною силою выражаетъ словами: „*Днесъ спасенія нашего главизна*“ (Троп. праздника). Это-та радость, которую возбѣщали апостолы и проповѣдники вѣхъ вѣковъ міру, за которую мученики проливали кровь свою. Это-та радость, которая насъ вѣхъ собрала въ домъ Божій, заставляя трепетать наши сердца предъ ея величіемъ.... И можетъ ли дѣйствительно у человѣка быть что-либо лучшее, высшее, какъ небесная вѣсть о спасенія его Богочеловѣкомъ отъ грѣха, проклятія и смерти, тяготѣвшими надъ нимъ со дня грѣхопадній прародителей, заставлявшими „стенать“ не его только, но и самую природу, потому что и „тварь, по словамъ св. ап. Павла, *покорилась суеть... и совокупно стенаетъ и мучится до-нынѣ*“, (Рим. 8, 20.22).

Какъ хотѣлось бы, потому, что бы архангельская вѣсть, которая была началомъ нашего спасенія, которая одухотворяла жизнь прошедшихъ вѣковъ, которая возбуждаетъ сердца вѣрующихъ и теперь, проникала бы въ жизнь и тѣхъ невѣровъ, для которыхъ она является пустымъ звукомъ, и—будущихъ поколѣній. Но, къ глубокой скорби нашей, нельзя не видѣть, что та небесная вѣсть, которая вѣрнымъ сынамъ Божиимъ даруетъ великую радость, для враговъ Христа является поводомъ къ насмѣшкамъ, издѣвательствамъ, даже кощунству. Кажется, ничто въ мірѣ не подвергалось такому униженію, не вызывало такой ожесточенной ненависти, какъ вѣра Хри-

стова. Не хотять понять враги ея, что „Великая есть благочестія тайна, (что) Богъ явился во плоти“ (1 Тим. 3, 16) и не человѣческимъ силамъ разрушить ее... Не хотять понять ея величія и современные намъ враги вѣры Христовой. Самая мысль о Богѣ ненавистна имъ. Нѣтъ мѣры въ кошунственныхъ ихъ выходкахъ противъ Бога и всего святого. Всевозможными путями, не исключая насилія и обмана, стремятся они искоренить вѣру изъ сердца людей. И только въ глубинѣ сердца ихъ, повидимому, теплится мысль о величій вѣры Христовой, потому что нечего было бы иначе имъ бояться вступать съ нею въ открытую борьбу, насильственно заграждая уста вѣрныхъ сыновъ Божіихъ. Да и какъ не бояться нашимъ „антихристамъ“ Бога, вѣрующихъ въ Него?... Можетъ ли быть общеніе свѣта со тьмою? Исходитъ ли изъ одного источника хорошая и дурная вода (Іак. 3, II)? Совмѣстимы ли ихъ идеалы-всѣцѣло земные съ идеалами неба? Вѣдь, по словамъ апостола, дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога (Іак. 4, 4). Не понять имъ, что только вѣра Христова является дѣйствительнымъ сокровищемъ для человѣка, тѣмъ камнемъ, о который разобьются всѣ волны житейскаго моря, что въ ней истинная свобода человѣка, залогъ того прогресса, который можетъ обратить землю въ рай... И лучшіе люди—естествоиспытатели, философы мысли, художники слова, кисти, звуковъ понимаютъ это, когда своими твореніями открыто подтверждаютъ необходимость для человѣка вѣры въ Бога, ея цѣнность и значеніе въ жизни человѣческаго общества. Но, къ сожалѣнію, и ихъ голосъ часто является для враговъ вѣры только „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“, потому что они уподобились тому ветхозавѣтному безумцу, который „сказалъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога“...

Сл. хр. Враги христіанства были, есть и будут по непреложному о томъ обѣтованію Самого Господа нашего (Іо. 17, 14; 15, 24, 18). Но насъ, вѣрующихъ во имя Христово, не должны страшить они, ибо, если мы будемъ сами тверды въ вѣрѣ нашей, если чисты будутъ сердца наши предъ Господомъ, то погибнуть они также, какъ погибли во времена великихъ гоненій, а мы воистину будемъ свидѣтелями исполненія обѣтованныхъ словъ Его возлюбленнаго ученика „И сія есть побѣда, побѣдившая міръ, въра наша“ (I Іоанна, 5, 4). Аминь.

П. С. А.

ЕЩЕ О МОТИВАХЪ ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА.

День 28 февраля навсегда останется въ памяти у всякаго русскаго человѣка. День этотъ явился днемъ освобожденія многомилліоннаго населенія русскаго государства отъ тяжкихъ узъ, наложенныхъ строемъ самодержавной властью царей. Съ этого времени всякій русскій человѣкъ получилъ права гражданства, онъ сталъ человѣкомъ. И вотъ теперь, когда получена такая свобода, когда мы стоимъ на порогѣ новой жизни, жизни свободныхъ гражданъ, когда стоятъ еще передъ глазами портреты и фамиліи Родзянко, Милюкова, Мануйлова, кн. Львова и другихъ, невольно взоръ нашъ обращается назадъ и невольно является вопросъ: „неужели раньше не было такихъ людей, которые своими словами будили бы русскую мысль отъ той сонливости, какая навѣяна была старымъ режимомъ?“ И свободная мысль называетъ цѣлый рядъ фамилій въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ Радищева и Кантемира и доводитъ постепенно до нашихъ дней. Изъ цѣлой такой плеяды русскихъ писателей выдается по своимъ литературнымъ достоинствамъ и по близости къ намъ во времени Н. А. Некрасовъ.

Происходя изъ помѣщичьей среды, онъ однако отрицательно относился къ этой средѣ и всѣ силы свои отдалъ на служеніе низшей братіи, простому народу. Этимъ онъ болѣе всего былъ обязанъ своей матери.

Добрая и образованная женщина своимъ примѣромъ учила мальчика видѣть такихъ же людей и въ окружающихъ его подневольныхъ крѣпостныхъ. Она не думала запрещать ему возиться съ крестьянскими дѣтьми, и эти совмѣстныя игры, дѣтское товарищество навсегда остались памятны будущему поэту.

Въ стихотвореніи „Крестьянскія дѣти“ онъ съ глубокою любовью вспоминаетъ разныя подробности этого товарищества, въ которыхъ онъ впервые знакомился съ народомъ, съ его жизнью, горемъ и радостями.

. тотъ, кто часто ихъ видѣлъ,

Тотъ, я вѣрю, любить крестьянскихъ дѣтей!

Я дѣлывалъ съ нимъ грибные набѣги:

Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,

Старался примѣтить грибное мѣстечко,

А утрѣмъ никакъ не могъ отыскать.

.

У насъ же дорога большая была:

Рабочаго званія люди сновали

По ней безъ числа.

Копатель канавъ вологжанинъ,

Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,

А то въ монастырь горожанинъ

Подъ праздникъ молиться катить.

Подъ наши густые старинные вязы

На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.

Ребята обступятъ: начнутся рассказы...

Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали:

Что новый прохожій, то новый рассказъ.

Эти рассказы жадно ловились и запоминались впечатлительнымъ мальчнкомъ. Они то и явились началомъ того глубокаго изученія народной жизни, которое впоследствии дало ему возможность изображать такими яркими чертами, полными искренней любви, жизнь русской деревни.

Усадьба Некрасова находилась, какъ извѣстно, на берегу Волги

которая являлась и является, помимо желѣзныхъ дорогъ, главнымъ связующимъ звеномъ между сѣверомъ и югомъ Россіи. Масса бѣлянъ, расшивъ и париходовъ сновало по ней вверхъ и внизъ. Длинныя вереницы бурлаковъ съ заунывной пѣсней непрерывной лентой тянулись по обоимъ ея берегамъ. Эта тягучая, унылая пѣсня и ужасный бѣдный видъ самихъ бурлаковъ, забитость и страданіе, выраженныя на ихъ лицахъ, являвшіяся контрастомъ по отношенію къ яркой синевѣ лѣтняго дня, необъятной шири Великой рѣки,—все это врѣзывалось въ душу будущаго пѣвца народнаго.

Прошли года, Некрасовъ выросъ. Передъ нимъ была блестящая будущность офицера, деньги, веселое времяпровожденіе.. Но онъ, поступленіемъ въ университетъ, отрекается отъ всего, такъ какъ его плѣняла не дорога стяжанія, душой его владѣла иная властная сила. иная „смутная тревога“, страстная любовь къ родинѣ и народу, которая могла вылиться въ единственную въ тѣ времена форму-служеніе родной литературѣ, и не смотря на всѣ частныя ошибки и быть можетъ паденія, сила эта одержала въ его душѣ верхъ.

Съ девизомъ: „На бой и трудъ

За угнетеннаго, за обойденнаго!“

выходить онъ на тернистую дорогу жизни. Мрачныя перспективы открылись передъ нимъ: голодъ, холодъ, нужда.... Его за долги прогнали съ квартиры и ему пришлось ночевать или подъ открытымъ небомъ или въ разныхъ трущобахъ, гдѣ онъ писалъ за 10—15 коп. прошенія ихъ обитателямъ.

Природная искра Божія и идеалистическое вліяніе его матери, очевидно, были крѣпкимъ щитомъ противъ всѣхъ недобрыхъ и темныхъ силъ жизни. Надежда на лучшее будущее его не покидаетъ, и съ ней онъ всюду ищетъ какого либо заработка. Съ трудомъ онъ устраивается въ театрѣ и по заказу пишетъ разныя водевили, рецензіи, переписываетъ роли и т. д.

Рядомъ съ этой нищетою Некрасову приходилось видѣть и роскошь и богатство и изрѣдка случалось попадать даже въ такіе богатые дома, благодаря товарищамъ по университету. Такимъ обра-

зомъ у него явились знакомые изъ разныхъ классовъ общества—и обитатели трущобъ и разныхъ притоновъ и баре изъ пышныхъ палатъ.

Понятно, какъ такая жизнь могла дѣйствовать на юношу съ неустановившимся еще характеромъ. Въ его душѣ въ это время скоплялось много озлобленія и горечи противъ богатыхъ людей, съ другой стороны, у него усиливалась любовь и жалость къ голытьбѣ, къ людямъ обездоленнымъ, рабамъ.

Поэтому и неудивительно, что съ первыхъ же литературныхъ шаговъ его лира стала издавать печальные звуки; неудивительно, что онъ обратился къ воспѣванію народа и больше крестьянъ, ибо крестьяне составляли и составляютъ подавляющую массу русскаго населенія и притомъ они являлись главной жертвой царившаго зла, наиболѣе яркимъ проявленіемъ котораго являлось крѣпостное право.

Изъ произведеній Некрасова, изображающихъ первый дореформенный моментъ являются интересными уже стихотворенія 1846 года, въ которыхъ мы встрѣчаемъ мотивы, напоминающіе „Записки Охотника“. Таково, напр. стих. „Въ дорогѣ“, въ которомъ ямщикъ рассказываетъ проѣзжему о своей женѣ, которая еще дѣвочкой взята помѣщикомъ къ себѣ въ домъ и воспитывалась вмѣстѣ съ его дочерью. Когда помѣщичья дочь вышла замужъ, то дѣвушку-крѣпостную помѣщикъ выдалъ за ямщика. Конечно, ничего хорошаго изъ этого брака выйти не могло, такъ какъ дѣвушка не была приучена къ тяжелой крестьянской работѣ.

Пропастъ, отдѣлявшая помѣщиковъ отъ рабовъ, была такъ велика, что перебраться черезъ нее не было никакой возможности. И смѣльчакъ, дѣлавшій попытку переправиться, неизбежно падалъ внизъ. Въ стих. „Огородникъ“ изображена любовь помѣщицъей дѣвушки къ молодому огороднику, который отвѣчалъ ей взаимностью, но, будучи въ тотъ моментъ пойманъ, когда пробирался въ комнату на свиданіе съ ней, былъ, по распоряженію помѣщика-отца битъ батогами и, въ концѣ концовъ, сосланъ въ городъ, гдѣ и сданъ въ солдаты.

. Знать любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

Такими трогательными и многоговорящими словами заканчиваетъ поэтъ свое стихотвореніе. Вотъ еще образчикъ помѣщичьяго произвола. Во время совершенія таинства брака въ церковь вошелъ самъ помѣщикъ:

Кто имъ позволилъ жениться?
„Стой“ и къ попу подошелъ!
Остановилось вѣнчанье.
Съ бариномъ шутка плоха—
Отдалъ наглець приказанье
Въ рекруты сдать жениха,
Въ дѣвичью бѣдную Грушу
И не перечилъ никто....
Кто же имѣющій душу
Могъ это вынести?... Кто?

Конечно могъ вынести и вынесъ все тотъ же рабъ-мужикъ, и вынесъ безсловесно, какъ это всегда бывало въ тѣ давнія времена.

Правда, порой чувствовался въ словахъ мужика неясный протестъ противъ современныхъ условій жизни, слышалась угроза помѣщику, но слова оставались словами, до дѣла почти никогда не доходило.

Бѣдность, забитость, голодь, холодъ, нужда и беспросвѣтная тьма умственная сопутствуютъ всю жизнь мужику. Бурлакъ ли по Волгѣ тянетъ расшиву, идетъ ли мужикъ за сохой, дорогу ли строить рабочій, отъ всѣхъ ихъ еще издалека слышится за душу хватающій стонъ— „этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется“!

Унылый, сумрачный бурлакъ!

пишетъ Некрасовъ, вернувшись изъ заграничнаго путешествія, гдѣ у себя на Волгѣ увидѣлъ ту же картину, что и въ дѣтствѣ-бурлаковъ и услышалъ ихъ тѣ же прежнія пѣсни:

Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ:

Все ту-же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь!
Въ чертахъ усталого лица
Все та-жь покорность до конца!...

Эта тяжелая пѣсня слышится лѣтомъ, а другая еще болѣе скорбная слышна зимой и уже не на одной только Волгѣ, а по всей землѣ родной, по всѣмъ ея дорогамъ. Это поютъ съ горя и мороза и пляшутъ мужики, возвращаясь изъ городовъ, куда они завезли своихъ дѣтей въ солдаты.

Словно до сердца поѣздъ печальный,
Словно бѣлый покровъ погребальный
Рѣжетъ землю и стонетъ она,
Стонетъ бѣлое снѣжное море!
Тяжело ты крестьянское горе!

Почти съ отчаяніемъ обращается къ родной землѣ:

Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?!

Но не даетъ ему отвѣтъ родная земля, 'Лишь сердце усиленно бьется и какой то внутренней голосъ шепчетъ: „Гдѣ народъ, тамъ и стонъ“, тамъ и остальные спутники его жизни—бѣдность, нужда....

Вотъ стихотвореніе, свидѣтельствующее о бѣдности крестьянской. Возвратившійся съ работы мужикъ хочетъ поужинать чего-нибудь, но хозяйка ничего не можетъ дать ему, такъ какъ всѣ запасы, если таковые и были, давно уже вышли. Со смиреніемъ голодный крестьянинъ идетъ спать, но только просить лошадь накормить.

Ну и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный,
Кинь подъ савраску соломки жена!
Въ зиму-то вынесъ онъ, вынесъ, сердечный,
Триста четыре бревна!

Здѣсь въ послѣднихъ словахъ слышится нѣчто новое, указывается

одна изъ лучшихъ чертъ характера русскаго народа— состраданіе и любовь къ животному, которое также мучилось зимой, какъ и самъ ея хозяинъ.

Тяжелое подъяремное состояніе мужика убивало всѣ зародыши природныхъ способностей. Частые наказанія плетью, изнурительный трудъ на помѣщиковъ совершенно притупляли умственную дѣятельность. И чтобы найти себѣ хоть минуту забвенія, мужикъ шелъ въ кабакъ и тамъ виномъ заливалъ свое великое горе.

Но мгла отвсюду черная
Навстрѣчу бѣдняку...
Одна дорога торная
Дорога къ кабаку.

Въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“ посвящена народному пьянству цѣлая глава, озаглавленная „Пьяная ночь“. Здѣсь передъ нами стоитъ кабакъ на большой дорогѣ, а отъ него въ разныя стороны расходятся, ползуть массаами пьяные мужики. Одинъ изъ несчастнѣйшихъ крестьянъ произноситъ длинную рѣчь, въ коей указываетъ на причины такого большого пьянства въ средѣ русскаго народа:

Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому!
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?
Вино валить крестьянина,
А горе не валить его?
Работа не валить?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ.
Со всякою справляется,
Какая не приди.
Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и въ гульбѣ...
У каждаго крестьянина
Душа—что туча черная—
Гнѣвна, грозна—и надо бы

Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,—
А все виномъ кончается!
Пошла по жиламъ чарочка—
И разсмѣялась добрая,
Крестьянская душа!

Изъ послѣднихъ словъ ясно, какъ досадили крестьянамъ помѣщичьи. Одно лишь вино часто спасало помѣщиковъ отъ катастрофы.

Не водись ка на свѣтѣ вина,
Тошень былъ бы мнѣ свѣтъ,
И пожалуй силенъ сатана!
Натворилъ бы я бѣды!

Влижайшимъ слѣдствіемъ крестьянской нужды и пьянства явилось огрубѣніе нравовъ, особенно въ семейномъ быту. Въ стих. „Тройка“ рисуется будущая судьба молодой крестьянской дѣвушки. Она въ самомъ расцвѣтѣ молодости и красоты, полна надеждъ на счастье, и жадно глядитъ на дорогу въ ту сторону, куда исчезаетъ бойкая тройка съ молодымъ проѣзжимъ кернетомъ. Но между этими молодыми мечтами и ея будущей долей, которую предвидитъ поэтъ, цѣлая—пропасть:

Да не то тебѣ пало на долю:
За неряху пойдешь мужика!
На лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни,—появится вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И бессмысленный вѣчный испугъ.

Въ лучшихъ произведеніяхъ Некрасова скользить всюду глубокая вѣра въ лучшія качества народа, въ силы живущія въ немъ, въ лучшее будущее родины. И эта вѣра проводила поэта до могилы, поддерживая въ немъ въ часы унынія и скорби о горѣ народномъ бодрость духа. Въ одномъ изъ предсмертныхъ произведеній своихъ онъ писалъ объ этой несокрушимой увѣренности своей, что

Ни работою,
Ни вѣчною заботою,
Ни игомъ рабства долгаго,
Ни кабакомъ самимъ
Еще народу русскому
Предѣлы не поставлены.
Предъ нимъ—широкій путь!

Разумѣется, это лучшее будущее возможно только тогда, когда спадутъ съ народа желѣзныя цѣпи жестокаго рабства. И поэтъ ждетъ съ нетѣрпѣніемъ этого момента, когда уступить свѣту мракъ упрямый, когда народъ, страдалецъ терпѣливый, свободной, гордой и счастливой увидитъ родину свою.

Но не только поэтъ, а еще болѣе, освобожденія ждалъ самъ народъ, и эта надежда на скорое освобожденіе была послѣ вина второй силой, которая умирала бури крестьянской души.

По всѣхъ углахъ государства уже ходили неясные, темные порою слухи о дарованіи воли, о грамотѣ съ „золотой печатью“. И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ слуховъ о свободѣ и муза Некрасова принимаетъ тонъ болѣе веселый, радостный. Переменная къ лучшему замѣчается и въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ:

Нынче полегче стало народу,
Стихъ, притаился въ тѣни
Баринъ, прослышавъ свободу!

Но наконецъ пришла долгожданная свобода, и Некрасовъ привѣтствуетъ ее, обращаясь съ восторгомъ къ обновленной родинѣ:

Родина мать! По равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ!
Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой!
Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезы!
Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ;

Хочешь—останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь—подъ небо взовьешься орломъ!

Но при этомъ онъ очень осторожно относится къ своимъ мечтамъ: онъ предчувствуетъ, что и въ свободномъ состояніи народъ не обезпеченъ будетъ при своей бѣдности отъ другого, хотя бы экономического закрѣпощенія.

Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ:
Умъ человѣческой тонокъ и гибокъ;
Знаю, на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ,
Люди, придумали много иныхъ,
Такъ!... но распутать ихъ лучше народу.
Муза, съ надеждой привѣтствуй свободу!

Послѣ обнародованія воли въ настроеніи поэта происходитъ замѣтный подъемъ и съ этого времени Некрасовъ становится горячимъ энтузіастомъ, исполненнымъ ободряющей вѣры въ могучія силы народа и въ неизбежность побѣды свѣта надъ тьмою и правды надъ кривдою. Въ порывѣ энтузіазма онъ восклицаетъ въ стихотвореніи „Школьникъ„

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ—то и знай!

И вотъ какая поэтическая картинка рисуется у него свѣтлаго будущаго свободнаго народа:

Освобожденный отъ оковъ,
Народъ неутомимый
Созрѣетъ, густо заселить
Прибрежнія пустыни;
Наука воды углубитъ:
По гладкой ихъ равнинѣ
Суда гиганты побѣгутъ—
Несчетною толпою,
И будетъ вѣченъ добрый трудъ

Надъ вѣчною рѣкою.

Мечты! Я вѣрую въ народъ!

И дѣйствительно, у Некрасова вѣра въ народъ велика. Народъ представляется ему въ образѣ могучаго богатыря, который своимъ непреклоннымъ терпѣніемъ въ многолѣтнихъ страданіяхъ добился своего завѣтнаго желанія—свободы и передъ нимъ открыто блестящее будущее:

Вынесъ достаточно русскій народъ!...

Вынесетъ все—и широкую, ясную,

Грудью проложить дорогу себѣ.

Въ другомъ стих. „Несчастные“ онъ говоритъ, что хотя

Во многомъ насъ

Опередили нѣмцы,

Но мы догонимъ въ добрый часъ.

Лишь Богъ помогъ бы русской груди

Вздохнуть пошире повольнѣй!

Сравненіе прошлаго съ настоящимъ, не въ пользу перваго:

Быль гуще невѣжества мракъ надъ тобою,

Удушливый сонъ непробудный,—

обращается поэтъ къ любимой родинѣ,—

Была ты глубоко-несчастной страной,—

Подавленной, рабски-безсудной!

Теперь уже не то, настали другія времена:

Довольно! Оконченъ съ прошедшимъ расчетъ,

Оконченъ расчетъ съ господиномъ!

Сбирается съ силами русскій народъ

И учится быть гражданиномъ!

И ношу твою облегчила судьба,

Сопутница дней славянина (обращеніе къ женщинѣ)

Еще ты въ семействѣ покуда раба,

Но мать уже вольнаго сына.

И вполнѣ понятно, что жена, мать уже вольнаго сына, является еще въ семействѣ рабой. Русскій прогрессъ шель не огромными скач-

ками, а тихими шагами. Женщина—раба, пожалуй, и до сихъ поръ въ нашихъ деревняхъ. И это объясняется только тѣмъ, что еще не совсѣмъ уступилъ свѣту мракъ упрямый, что еще густая тьма виситъ надъ народомъ. И когда поэтъ узнаетъ, что въ округѣ завелись школы, то онъ привѣтствуетъ это начинаніе такими ободряющими словами:

. Учите ка дѣтей!
Не бѣда, что люди голы;
Лишь бы стали поумнѣй!
Перестанетъ ѣсть солому,
Трусу праздновать народъ!..

Порой къ поэту возвращается скептическое отношеніе къ современности, на него находятъ прежняя тоска, пессимизмъ и муза печали задаетъ ему вопросы:

Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?
И рабству долгому пришедшая на смѣну
Свобода, наконецъ, внесла ли паремѣну
Въ народныя судьбы?

И печальный отвѣтъ на эти вопросы получаетъ Муза: „На мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали моого иныхъ“!

Какъ невольникъ, покинувъ тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхаетъ,
И не вѣря себѣ самому
Богатырскую мощь ощущаетъ,
Ты, казалась сильна, молода,
Къ правдѣ, къ Свѣту, къ Свободѣ стремились,
Въ прегрѣшеніяхъ тяжкихъ тогда,
Какъ блудница, ты громко винилась,
И казалось намъ въ первые дни:
Повториться не могутъ они!..

Однако они повторились, хотя въ иной формѣ. Прогрессъ одѣлъ новыя цѣпи на раскрѣпощенный народъ. Эти цѣпи—эксплоатація, какъ сказано выше, народнаго труда на экономической почвѣ. (См. стих. „Желѣзная Дорога“).

Эта экономическая эксплуатация труда легла тяжелым бременем не только на взрослых, но даже и малыя дѣти должны были прѣзжать въ города на фабрики и тамъ нести непосильный трудъ.

Въ золотую пору малолѣтства
Все живое счастливо живетъ,
Не трудясь, съ ликующаго дѣтства
Дань забавъ и радости беретъ!
Только намъ гулять не довелось
По полямъ, по нивамъ золотымъ:
Цѣлый день на фабрикахъ колеса
Мы вертимъ-вертимъ-вертимъ!!!

Большою любовью къ дѣтямъ и безграничнымъ негодованиемъ на общество, которое недостаточно озабочено охраной этихъ беспомощныхъ, беззащитныхъ существъ-дѣтей, проникнуто это стихотвореніе. И это тѣмъ болѣе понятно, что поэтъ всѣ надежды, всю вѣру въ народныя силы возлагаетъ на нихъ, на дѣтей. Онъ съ самымъ горячимъ привѣтомъ обращается къ нимъ—будущимъ пахарямъ:

Играйте же, дѣти! Растите на волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство дано,
Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно!
Храните свое вѣковое наслѣдство,
Любите свой хлѣбъ трудовой—
И пусть обаяніе поэзіи дѣтства
Проводитъ васъ въ нѣдра землицы родной!

Съ не менѣе горячимъ призывомъ обращается Некрасовъ и къ сѣятелямъ знанія на нивѣ народной. Могучій гимнъ поетъ онъ имъ.

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

Грустныя пѣсни печальной крестьянской доли допѣты ужъ давно. Настали другія времена. Русская жизнь измѣнилась кореннымъ образомъ-сверху и донизу: „великая цѣпь“ былого „распалась“ и распавъ

шися ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“. Но масса русскаго крестьянства еще во многомъ сохраняетъ своей духовный и внѣшній обликъ, свои бытовые черты, свой вѣковой укладъ жизни, такъ любовно и мастерски воспѣтые поэтомъ. И вотъ эта любовь къ родному народу, „скорбь народная“, вѣра въ великое будущее родины, тревога за ея судьбу—вся гамма этихъ чувствъ волнующихъ поэта,—вотъ что всегда свѣжо и молодо въ Некрасовѣ и долго еще будетъ держать въ своемъ обаяніи его читателей. Въ одномъ изъ стихотвореній, написанныхъ на смерть поэта, мы читаемъ слѣдующія, дышущія дѣйствительностью слова:

О, долговѣчны вы, пѣсни, поющія
Муки народныя, по сердцу бьющія!
Пѣснѣ твоей, о, страданій пѣвецъ,
Будетъ не скоро желанный конецъ:
Тамъ онъ, гдѣ горе людское кончается,
Тамъ онъ, гдѣ счастья заря начинается!..

Къ энергичной и дружной работѣ звалъ во имя свѣтлаго будущаго родины поэтъ-гражданинъ русскую интеллигенцію, которой онъ не переставалъ напоминать о ея обязанностяхъ къ тѣмъ, „чи работаютъ грубыя руки, предоставивъ почтительно намъ погружаться въ искусства, въ науки, предаваться мечтамъ и страстямъ“, не переставалъ напоминать интеллигенціи объ ея обязанностяхъ потому, что вѣрилъ, что хотя въ груди Россіи и „бѣжитъ потокъ живой и чистой народныхъ силъ“, но еще нѣмой; и что выведетъ его изъ нѣмоствующаго состоянія русская интеллигенція—на нее поэтъ возлагалъ всѣ свои надежды и упованія. Поэтому-то Некрасовъ весьма настойчиво и звалъ сѣятелей на ниву народную. Но велико поле русской жизни. Далеко не все распахано и засѣяно оно, хотя и больше стало работниковъ. Шумнѣй и люднѣй сдѣлалось на немъ. Дружнѣе пошла работа. Безконечно раскинулись кругомъ народныя дали. И бодрящій кличъ Некрасова на общественно-созидательный трудъ молодого, пробуждающагося къ культурной жизни народа, когда кругомъ „идетъ-гудеть зеленый шумъ, весенній шумъ“, этотъ шумъ не скоро еще, надо полагать, перестанетъ звучать въ собирательной русской душѣ съ ея по

рывами къ свѣту, простору, къ живому проявленію и взаимообщенію всѣхъ своихъ силъ.

Духовенство, являющееся главнымъ представителемъ русской интеллигенціи во всѣхъ медвѣжьихъ уголкахъ, необъятной Россіи, въ переживаемый моментъ прежде всего должно всѣ свои силы отдать на служеніе низшей братіи. Кто, какъ не оно, будетъ разъяснять народу задачи и цѣль Учредительнаго Собранія. Кто, какъ не оно озаботится воспитаніемъ и обученіемъ подростоющаго поколѣнія, будущихъ свободныхъ русскихъ гражданъ. Вѣдь много работниковъ не вернется съ фронта—они ушли туда уже, откуда нѣтъ никому возврата. А духовенство. Оно все осталось на мѣстахъ и, слѣдовательно, сможетъ выполнить задачи, налагаемыя на него текущимъ моментомъ. Оно окажетъ сильное вліяніе на народъ, ибо послѣдній въ массѣ своей твердо держится православія и вполнѣ довѣряетъ своимъ духовнымъ отцамъ. Если и теперь духовенство своими дѣлами докажетъ ему свою искреннюю любовь къ родинѣ и народу, то и городъ и рабочіе классы, скептически относящіеся къ духовенству, тоже увѣрять въ него, какъ въ своихъ руководителей и тогда возможна будетъ та плодотворная работа въ которой стремилась Великая Русская Революція 1917 года и къ которой какъ сказано, уже давно призывалъ великій поэтъ-гражданинъ Н. А. Некрасовъ.

Ал. Жудро.

Редакторъ неофициальнаго отдѣла, Преподав.
Витебской Духовной Семинаріи Н. Богородскій.

Печатать разрѣшено военной цензурой.
Печатано въ типографіи „ТРУДЪ“ Х. М. Рабкина.